
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕС

НЕЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ТИПЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬШИ: ИДЕЙНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

И. Д. Лошкарёв
Д. А. Пареньков

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 03.12.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5

© Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А., 2022

Рассматривается проблема появления и постепенного развития неэкспансионистских типов стратегической культуры в Польше. Цель исследования — выявить особенности неэкспансионистских типов стратегической культуры в Польше для более объективного анализа современной внешней политики и политики безопасности этого государства. На первом этапе работы авторы раскрывают особенности появления и использования концепта «стратегическая культура», предлагают собственный вариант типологии стратегических культур, основанный на работе «культурного реалиста» А. Джонсона. Затем авторы используют качественный метод отслеживания (трассировки) процесса для того, чтобы выявить контуры последовательности событий и идейных конструктов, которые обусловили появление или деградацию соответствующих типов стратегической культуры. Показано, как на основе стратегической культуры нейтралитета под влиянием внешнего воздействия и переосмысления идей республиканизма в Польше сформировалась стратегическая культура политической фортификации (форпоста). Данные типы стратегической культуры берут истоки в идее этического превосходства польского государства, хотя детализация этого превосходства применительно к конкретным ситуациям может заметно различаться. В то же время в современных польских реалиях пока не возникло ни одного типа стратегической культуры аккомодации, что может стать одним из направлений дальнейшего развития стратегической культуры Польши.

Ключевые слова:

стратегическая культура, Польша, культура нейтралитета, культура политической фортификации

Введение

Понятие стратегической культуры вошло в научный оборот в 70-е годы XX столетия. В условиях Холодной войны оказалось, что приписывание оппонентам и партнерам рациональных моделей поведения ведет к неточностям в анализе меж-

Для цитирования: Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А. Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 69–82. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5.

дународных взаимодействий. Как отмечал автор термина «стратегическая культура» Дж. Снайдер, рационалистические трактовки поведения государств ведут к двум научным проблемам — проблеме обоснованности утверждений (англ. *validity problem*) и проблеме многозначности данных (англ. *ambiguity problem*). Первая проблема касалась соотношения рационалистических моделей и недоступности большого объема данных: поскольку военная сфера была и традиционно остается закрытой для большинства исследователей и обывателей, любые модели приходилось выстраивать на ограниченном или даже недостаточном массиве информации. Но даже когда удавалось получить или экстраполировать достаточное количество данных, необходимо было выстроить какую-то иерархию значимости фактов, которая бы увязывала разноуровневые и разновременные причинно-следственные связи, что и вело к появлению второй проблемы. Поэтому возникла необходимость поместить факты и принимаемые акторами решения в политический, исторический и организационный контексты, чтобы они как-то упорядочили имеющиеся трактовки и данные. Соответственно, стратегическая культура выступала такой промежуточной переменной, которая помогала объяснять реакцию стран на те или иные действия своих визави. Эта переменная включала в себя индикаторы, выделение тех или иных характеристик реальности в качестве проблемных, используемые концепты и понятия для описания происходящего и прошлого, а также основные узлы дискуссии по вопросам национальной безопасности [1, р. 7—9].

Об убеждениях, представлениях и языке описания собственных действий и действий других государств узнают из разных источников и опираются на опыт различных исторических периодов — что делает описание самой стратегической культуры крайне субъективным занятием. Как отмечал К. Грей, не стоит забывать, что в стратегической культуре — «больше стратегии, чем культуры», хотя конкретное соотношение установить сложно [2, р. 130].

Источниками для коллективных представлений о прошлом и настоящем оказываются опыт участия в вооруженных конфликтах, фундаментальные политико-философские работы по вопросам войны и мира, а также преобладающие мистические и религиозно-этические установки в обществе [3]. Очевидная невозможность представить узкую позитивистскую или неопозитивистскую трактовку стратегической культуры обусловила новый поворот в исследованиях [4].

Возникла расширенная трактовка стратегической культуры, в рамках которой делается упор на подвижность и процессуальность социальных феноменов. У этого есть свои издержки, поскольку саму стратегическую культуру приходится признать независимой переменной (а не конкретные события и тенденции, которые подталкивают акторов к реагированию) [5]. Главное последствие такого изменения состоит в признании, что в стратегической культуре могут быть разные комплексы или наборы представлений о доступных и предпочтительных вариантах поведения и реагирования [6].

С методологической точки зрения расширенная трактовка стратегической культуры делает ее контекстом внешнеполитической и военно-политической деятельности, а не элементом (уровнем) контекста. Это однозначно отсекает возможность полностью разрешить проблему обоснованности утверждений, ради которой, отчасти, понятие и было введено. Несмотря на потенциальную угрозу введения термина ради термина, такая ситуация дает исследователям выход на более сложные и нюансированные модели, описывающие соотношение материальных и идейных факторов [7]. Главное в этих моделях — не забывать о подвижности, многосоставности и взаимообусловленности стратегических культур и их элементов [8; 9].

Длительное время изучение стратегических культур и составляющих их «идеальных типов» концентрировалось на крупных государствах, где сравнительно просто можно проследить опыт конфликтов прошлого, дебаты между политиками,

мыслителями, военными стратегами и дипломатами по поводу возможных и допустимых способов решения накопившихся внешнеполитических проблем. Лишь в последние десятилетия акцент постепенно смещается на государства среднего размера, в том числе на региональных лидеров и государства с высокой степенью функциональной специализации в современных международных отношениях [10; 11]. В таких условиях обращение к стратегической культуре Польши кажется логичным и имеет большую исследовательскую значимость, поскольку эта страна не только выступает сегодня одним из лидеров в Восточной Европе, но и имеет большой исторический опыт вооруженных конфликтов и смены парадигм политического развития [12; 13]. Хотя Польша в настоящее время входит в ЕС и НАТО, современная дискуссия внутри страны относительно актуальных глобальных и региональных вызовов существенно отличается от дискуссии внутри других евроатлантических государств, как и предлагаемые Варшавой способы преодоления трудностей. Даже предварительное и первичное выявление основных типов стратегической культуры позволит более полно представить историко-культурный и идейный контексты польской внешней политики, в том числе ее наиболее вероятные траектории и повороты в будущем.

Необходимо сделать еще одно уточнение. Немногочисленные работы по внешней политике Польши и ее международной идентичности исходят из того, что этой стране присуща напористость и даже в какой-то степени экспансионистские намерения, основанные на историческом имперском опыте [15—17]. Отрицать подобные выводы сложно, однако прошлое этой страны включало в себя династические унии с другими государствами и проекты широких международных коалиций (например, против Османской империи), а также своеобразную рецепцию политической философии эпохи Античности и Возрождения. Поэтому в настоящей статье предлагается посмотреть на те пласты или измерения польской стратегической культуры, которые связаны не с экспансией и лидерскими амбициями Польши, а с попытками защитить и укрепить уже имеющееся и достигнутое.

Работы А. Джонсона — представителя «третьего поколения» исследований стратегической культуры — позволяют сформулировать для этой цели подробную классификацию идеальных типов страткультуры. Если рассматривать только неэкспансионистские типы стратегических культур, то возможные магистральные предпочтения будут сводиться к стремлению интенсивно сотрудничать (аккомодация) или хотя бы в той или иной форме замкнуться. При этом внешние ограничения и способность их преодолеть (в особенности силовыми методами) также будут играть значительную роль. Именно эти две группы факторов позволяют выделить следующие типы неэкспансионистских стратегических культур (табл. 1):

— культура неограниченной интернационализации, предполагающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления коллективными усилиями и нацеленность на максимально конструктивные отношения с остальными акторами с помощью детализированных соглашений и договоров;

— культура ограниченной интернационализации, подразумевающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью неформальных и личных договоренностей и нацеленность на сбалансированные (отчасти равноудаленные) отношения с остальными акторами;

— культура нормативной унификации, включающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), осознание собственного потенциала для активного преобразования внешней среды и формирования своего глобального или регионального политического проекта;

— культура нейтралитета, означающая негативное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью внутренних ресурсов и нацеленность на перевод отношений с другими акторами в невоенную сферу — в том числе через соответствующую правовую или политико-правовую фиксацию;

— культура изоляционизма, заключающаяся в негативном видении актором внешней среды (или ее существенной части), стремлении сдерживать негативные процессы и явления с помощью внутренних ресурсов и нацеленности на сокращение отношений с внешним миром и равноудаленные отношения с остальными акторами;

— культура политической фортификации (в зависимости от размера стран может быть в виде фортификационного гигантизма¹ или форпоста), знаменующая собой негативное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью максимального повышения издержек любого оппонента при нападении и осознание собственной самодостаточности в международных отношениях.

Таблица 1

Неэкспансионистские типы стратегических культур (адаптация работ А. Джонсона)

Тип	Значимость внешних ограничений (неспособность уничтожить противника)		
	Высокая (формализация всех действий)	Средняя (переход к менее формальным взаимодействиям)	Низкая (переход к односторонним и демонстрационным действиям)
Сохранение статус-кво (аккомодация)	Неограниченная интернационали- зация (idealpolitik)	Ограниченная интер- национализация	Нормативная унификация («меж- дународное общество»)
Изменение статус-кво (оборона)	Нейтралитет	Изоляционизм	Политическая фортификация — «фортификационный гигантизм» / форпост

Выделенные идеальные типы стратегической культуры не обязательно должны присутствовать в любом из государств и в любой момент времени. Формирование каждого из типов — процесс длительный и исторически обусловленный. В частности, если исторический опыт страны включал большое число вооруженных конфликтов с неудачным исходом или с тяжелыми внутривнутриполитическими последствиями, то менее вероятно формирование и, тем более, доминирование типов стратегических культур, связанных с экспансией и демонстрационными действиями (карательные походы, санкции, наложение контрибуций). В большей степени речь будет идти о стратегиях выжидания и подготовки к нападению, а также о комплексе идей и представлений, связанных с такими стратегиями [18, p. 147 — 152].

Важная оговорка заключается в том, что «третье» поколение исследований стратегической культуры рассматривает анализируемое явление в отрыве от текущих событий, от процессов конституирования и оспаривания коллективной идентичности. Это означает, например, непризнание тезисов других поколений исследователей, которые, в частности, более последовательно увязывали стратегическую

¹ В цитируемой монографии А. Джонсона подробно разбирается комплекс идей и убеждений, приведших к строительству масштабных фортификационных сооружений — в том числе Великой китайской стены. Однако для малых и средних государств более характерно восприятие всей своей территории как пространства обороны — отсюда использование понятия «форпост».

культуру с военно-политическими переменными — уровнем технологического развития, военным планированием, перекосами в сторону отдельных родов и видов войск [2].

Какие из этих типов стратегической культуры могли быть востребованы в Польше? Как отмечал Р. Фрост, большое значение для Речи Посполитой² имела постоянная угроза с юга (со стороны Османской империи и Крымского ханства), которая вынудила в начале XVI столетия создать постоянные вооруженные подразделения (пол. *obrona potoczna*). Кроме того, особенности географического распределения населения обусловили тот факт, что государства в Восточной Европе не могли содержать большие контингенты войск длительное время: некрупные рассредоточенные поселения не способны были прокормить многотысячные пешие и конные отряды в период военных кампаний [19, р. 48—62]. Эти факторы имели большое значение для формирования международной идентичности Польши. Примерно за период 960—1795 годов Польша была вовлечена в 247 вооруженных конфликтов, что дает усредненное значение — 1 раз в 3 года. Во времена II Речи Посполитой эта закономерность сохранилась (7 конфликтов в 1918—1939 годах). Это означает, что помимо постоянных угроз (на юге, затем, видимо, на востоке и западе) были краткосрочные угрозы, связанные с территориальными, династическими, религиозными и торговыми противоречиями. Такое положение дел, скорее всего, делало невозможным формирование полноценных стратегических культур аккомодации — нацеленности на создание длительных коалиций с приспособлением к интересам партнеров и некоторым уровнем межгосударственного альтруизма.

Таким образом, данная статья посвящена неэкспансионистским типам стратегической культуры Польши — главным образом культуры оборонительной. Однако наш анализ также связан и с оценкой перспектив формирования культуры аккомодации, поскольку после 1945 года Польша не принимала непосредственного участия в конфликтах, что в какой-то мере корректирует долгосрочные траектории развития представлений страны о своем месте в мире и о внешней среде взаимодействий.

Контурсы эволюции неэкспансионистских представлений в Польше

Одна из ключевых особенностей польской общественной и международно-политической мысли в XVI—XVIII веках заключалась в поиске способов того, как можно остановить сокращение территории и влияния Речи Посполитой. Поскольку одновременно широкую популярность имели идеи выборности правителей и восстановления справедливости даже крайними средствами, вполне логичным было обращение к «Хронике и происхождению королей и правителей Польских» епископа Винцентия Кадлубека (начало XIII века). В этом произведении, пожалуй, впервые была четко сформулирована идея Польши как этического (не этнического и религиозного) сообщества. Кадлубек достаточно буквально перенес идеи Цицерона о добродетелях граждан и их самоорганизации на польские реалии своего времени, но это привело его к некритическому заимствованию идей о нравственных действиях как об актах самосохранения, а также к призывам к некоторым видам самоограничения. В результате получалось, что Польше необходимо было ограничиться территориально, чтобы не размывать свою идентичность, и сдерживать внешние угрозы через совершенствование своего внутреннего устройства, то есть отношений между «гражданами» Речи Посполитой [20, s. 311—313]. В этом смыс-

² Здесь и далее «Речь Посполитая» и «Польша» употребляются как синонимы, хотя первая Речь Посполитая была ассиметричным содружеством нескольких политий, включая, например, вассальные герцогства Пруссии (до 1657 года) и Курляндии (до 1795 года).

ле весьма показателен фрагмент этой «Хроники» — вроде бы хвалебный отзыв о короле Болеславе Храбром, где описывается причина возмущения низших слоев населения: «Пока король долгое время пребывал то у русских, то чуть ли не в заповолецких краях, рабы склонили жен и дочерей своих хозяев к [удовлетворению] своих желаний» [21, с. 100].

В условиях средневековой и раннемодеpной Польши участниками этического республиканского сообщества, безусловно, считались не все жители страны, а лишь шляхта. Однако приближенный к королевскому двору священник Станислав Заборовский в начале XVI столетия четко поставил вопрос о том, что институты представительства интересов всех слоев населения должны в какой-то мере существовать. Правда, для Заборовского это было нужно не по соображениям социального равенства, а для бесперебойного финансирования войск и защиты границ [22].

Международная ситуация в тот период характеризовалась усилением Габсбургов и их стремлением получить и закрепить за собой королевские титулы Чехии и Венгрии. Одновременно с этим возрастала угроза со стороны Османской империи, постепенно продвигавшейся к территориям за Дунаем. Несмотря на то что династия Ягеллонов также имела основания претендовать на титулы в Чехии и Польше, король Сигизмунд I, пожалуй, впервые в польской истории воздержался от прямого участия в конфликте за власть в этих странах. И если в Чехии Габсбургам удалось получить желаемое (1527), то население Венгрии выдвинуло альтернативного кандидата в короли, который получил поддержку Турции. Сигизмунд I и в этой ситуации оставался на позициях нейтралитета, предложив услуги посредничества конфликтующим сторонам. В дальнейшем нейтралитет Польши по венгерскому вопросу позволил почти 100 лет избегать прямого конфликта с Османской империей и замедлить экспансию Габсбургов в Центральной и Восточной Европе. В польской историографии такая непривычная линия внешнеполитического поведения обычно приписывается советникам Сигизмунда I — прежде всего примасу Яну Ласкому и краковскому епископу Петру Томицкому, которые были хорошо знакомы с античными римскими работами и их позднесредневековыми трактовками [23, s. 204—206].

Впоследствии наследие Кадлубека и идеи республиканизма в той или иной мере активно использовались для обоснования шляхетских вольностей и ограничения власти короля. Однако внутри этого мощного течения мысли периодически происходило возвращение к античным первоисточникам, в том числе к раннеримским ценностям сдержанности и самоограничения. Вполне естественно, что мысли о совершенствовании государственного строя и этика идеалов прошлого трансформировались в Польше, так же как и в Риме, в доктрину этического активизма: морально-политическое превосходство представлялось уже не столько статусом, сколько чем-то, что необходимо постоянно подтверждать и доказывать на деле [24; 25]. Чаще всего такой этический активизм был связан с защитой республиканского устройства и «старых вольностей» [26].

Уже в XVIII столетии в работах бывшего коронного канцлера Яна Станислава Яблоновского и талантливого священника-педагога и публициста Станислава Конарского возникают аргументы о самодостаточности, повседневной состоятельности и, в конечном счете, независимости государства как конечных целях внутренней и внешней политики. В частности, Конарский в «Конфиденциальных письмах эпохи бескорольев» (1733) писал, что превосходство внутреннего устройства страны должно быть столь велико, чтобы иностранцы восторгались им больше, нежели местные жители. Именно позитивное отношение соседних государств и их населения могло быть основой независимости и самостоятельности — но только для тех государств, которые создают условия для этого изнутри. В работах Конарского, пожалуй, впервые в польской мысли просматривается идея баланса при при-

нятии внешнеполитических решений: можно не только трансформировать силой или с помощью дипломатии негативные характеристики во внешней среде, но и отказаться от их изменения, если существуют более важные внутренние задачи [20, s. 346—349]. Упрощенно, сторонники республиканизма вроде Яблоновского и Коннарского призывали к этически обусловленному стратегическому терпению и умению расставлять долгосрочные приоритеты.

Важный поворот республиканской мысли в период заката Речи Посполитой был осуществлен в работах публициста и просветителя Станислава Сташица. Не вдаваясь в детали, отмечу лишь, что Сташиц изменил основное уравнение польской политической философии. До этого мыслителя республиканское устройство и его сохранение считались наивысшим приоритетом — ради этого можно было пожертвовать интересами Речи Посполитой как государства и интересами отдельных индивидов. Напротив, С. Сташиц, несколько предваряя распространение националистических идеологий в Европе, рассуждал иначе: если не будет самого польского государства, то даже самое лучшее политическое устройство станет достоянием прошлого. Более того, Сташиц полагал, что именно сообщество граждан республики может и должно ограничивать свои потребности и права во имя коллективной необходимости («истинное благо каждого ничем не отличается от всего общества»). Хотя эти рассуждения остановились в одном шаге от тезиса в потребности «сильной руки», речь ни в коем случае не шла об отказе от идеи этического республиканского сообщества: республика просто стала восприниматься не как устройство, а как интерес ее граждан [27, с. 39—46; 28, s. 239—243; 29]. Интересно, что этот тезис опирался не только на философское наследие Античности, но и на внутренние расклады в Речи Посполитой: сходные (хотя и менее четко сформулированные) мысли высказывал в своих памфлетах один из лидеров профранцузской партии и король-изгнанник Станислав Лещинский [30, с. 164—169].

Описание Польши как этического сообщества, которое не успело завершить свою миссию, стало преобладающим для польского романтизма. Один из лидеров Ноябрьского восстания (1830) И. Лелевель и вслед за ним поэт А. Мицкевич сравнивали свою страну с муравейником: «Все работали лишь с виду беспорядочно, а на самом деле с одной целью: вместе отстраивали свое разрушенное жилище, вместе бросались на врага» [31, с. 409]. Поскольку внутренних сил для восстановления Польши после трех ее разделов было недостаточно — в деятельности повстанческих организаций начались дискуссии о необходимости «сильной руки» (диктатуры хотя бы в начальный период борьбы за суверенность) и безальтернативности внешней помощи (прежде всего от Франции и Великобритании — хотя список варьировался). Поздний польский романтизм добавил к этому представление о том, что в Восточной Европе много угнетенных народов, которым польские политические организации должны оказать поддержку и, по возможности, сформировать на этой основе общее движение против политики государств, участвовавших в разделах [32, с. 353—361].

Именно в таком виде наследие Винцентия Кадлубека принял Юзеф Пилсудский — руководитель возрожденной II Речи Посполитой. Пилсудскому импонировало многое — надэтнический характер государства, представления о необходимости поддержки других народов, находящихся в сложном положении, революционно-романтический ореол идеи «сильной руки». Как отмечает А. Новак, концепция этического активизма и телеология длительного пути к совершенному устройству оказались удобными политическими конструктами для различных эпох — в том числе через столетия после Кадлубека [20, s. 311—314]. В версии Пилсудского эти идеи вылились в идею стратегического буфера между Россией / РСФСР / СССР и Польшей. Этот буфер должен был включать как присоединенные Варшавой терри-

тории с непольским населением, так и провозглашенные государства «неисторических» (в терминологии Пилсудского) народов (литовцев, латышей и т. д.). Однако события менялись достаточно стремительно, и эти идеи нередко оставались убеждениями польского руководства, а не практическими шагами. Сам Ю. Пилсудский в письме И. Падеревскому в мае 1919 года утверждал, что старался уклоняться от конкретных ответов на вопросы о будущем устройстве страны, поскольку это вело к «препираательским делам» [33, с. 23—24, 39—40, 52—54, 63; 34, с. 68—73]. Так или иначе, С. Сташиц и представители польского романтизма заложили интеллектуальную основу для перехода от культуры нейтралитета, несколько перегруженной этикой, к культуре политической фортификации (форпоста). Но лишь Ю. Пилсудскому посчастливилось этот переход реализовать на практике — пусть с колебаниями и просчетами.

Сжатое рассмотрение долгой трансформации античных работ и наследия Винченция Кадлубека в первой и второй Речи Посполитой позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, стратегическая культура нейтралитета польской истории преимущественно разделялась представителями интеллектуального класса, хотя и оказалась в какой-то мере востребованной при поздних Ягеллонах. Во-вторых, постепенное рассуждения об оптимальном устройстве государства привели сторонников этого типа стратегической культуры к мыслям о необходимости ускоренного развития — как политического, так и экономического (С. Конарский). В-третьих, особенности формирования внешней среды способствовали постепенному отказу интеллектуальных последователей Винченция Кадлубека от некоторых его основополагающих идей. Это было обусловлено сначала постепенной, а потом полной утратой государственности (суверенитета) Польши. Например, Кадлубек делал акцент на внутреннем самосовершенствовании — но в XIX столетии это было практически неосуществимо. Из этого логически вытекали новые идеи, вплетающиеся в общее полотно представлений о Польше как об этической общности. Наконец, в-четвертых, этих изменений накопилось так много, что постепенно сформировался новый тип стратегической культуры — культура политической фортификации (форпоста). Этот тип во многом представляет собой разрыв с польской республиканской традицией, поскольку подразумевает благожелательное отношение к авторитарному правлению («сильной руке»), опоре на внешнюю помощь и поиску потенциальных союзников на любом уровне — в том числе среди негосударственных акторов. Наконец, в-пятых, представленные типы неэкспансионистской стратегической культуры, как и экспансионистской, в Польше не достигали серьезного уровня детализации, часто наблюдался разрыв между этическим идеалом и политической практикой.

Выводы для современной Польши (III Речи Посполитой)

Современная польская внешняя политика и политика безопасности по крайней мере отчасти руководствуется императивами исторического опыта — например общепринятыми способами концептуализации и реагирования на угрозы и риски. Традиционно этот исторический опыт пытаются втиснуть в «ягеллонскую» и «пястовскую» традиции, однако наш неполный анализ дает как минимум два отличных типа ценки и конструирования международного «Я» и внешней среды для Польши.

Вне всякого сомнения, выявленные неэкспансионистские разновидности (субкультуры) стратегической культуры представляют собой «идеальные типы». Политическая реальность скорее частично совпадала с полным набором параметров таких субкультур и представляла собой их взаимопересечение и переплетение. К заседаниям сеймов (особенно элекционных) Речи Посполитой едва ли не каждый образованный шляхтич считал своим долгом изложить те или иные соображения

по поводу общественного устройства, воспроизводя или модернизируя уже существовавшие наработки. Соответственно, представления, лежавшие в основе тех или иных типов стратегических культур, постоянно сталкивались с противоположными точками зрения. Сегодня социальная коммуникация стала еще более интенсивной, что только повышает конкуренцию и переплетение различных взглядов на природу внешней среды, ключевые риски и угрозы для польского общества.

Представленные типы (субкультуры) стратегической культуры Польши остаются важными для современных реалий в силу двух обстоятельств. Во-первых, в социалистической ПНР долгое время не допускались публикации с анализом государственных интересов и стратегий, поскольку это могло вывести на критику тесных отношений с СССР. Лишь после 1981 года правящей партией были предприняты попытки подстегнуть дискуссию в этом направлении, но в нужном для партии ключе [35, s. 261—266]. Во-вторых, после 1990 года исторический опыт социалистического периода в польской научной и политической мысли массово отвергается. Социалистическая Польша традиционно называется «никакой Республикой» — между Второй и Третьей Республиками, а потому в поисках вдохновения польская стратегическая мысль «перепрыгивает» через социалистический период к более отдаленным по времени периодам.

В целом вопреки распространенному мнению об экспансионизме Польши выявленные неэкспансионистские типы стратегических культур также широко представлены в опыте участия страны в вооруженных конфликтах и в фундаментальных политико-философских работах по вопросам войны и мира (табл. 2). Более того, культура политической фортификации (форпоста) оказалась очень востребованной — благодаря авторитету Ю. Пилсудского и более современному видению ситуации в мире. Напротив, делавшие акцент на этических нормах культуры «осажденной крепости» и нейтралитета в конечном счете остались на вторых ролях и оказали, по всей видимости, несколько меньшее влияние на внешнеполитическое поведение Польши.

Таблица 2

**Основные неэкспансионистские типы (субкультуры)
стратегической культуры Польши**

Основные параметры	Культура нейтралитета	Культура форпоста
Условный(е) основоположник(и)	Винцентий Кадлубек	Станислав Сташиц, Юзеф Пилсудский
Степень распространенности	Средняя, но ближе к слабой	Сильная
Какие риски и угрозы видит перед собой государство	Внутренняя слабость как основа неудач вовне	Утрата независимости / суверенности
Какие существуют убеждения и дискуссии по разным аспектам безопасности	Политика vs экономика	Суверенность vs внутреннее устройство
Как оценивается внешняя среда	Зависит от случая к случаю	Очень опасная
Кем Польша выступает по отношению к остальным странам	Польша как этический образец	Польша как форпост (нередко католицизма)
Что Польша должна внушать соседям	Восхищение ее республиканским строем	Обоснованные опасения
Основа поведения Польши по отношению к остальным странам	Посредничество, выстраивание мостов между конфликтующими сторонами	Активная разведка, игра на опережение
Отношение к военным и политическим союзам	Нейтральное	Положительное — если речь идет об отстаивании «высших» ценностей

В зависимости от времени формирования различные типы польской стратегической культуры по-разному отражали видение основных рисков и угроз для государства, иногда смешивая внешнюю и внутреннюю политику, абстрактные этические идеалы и суровую политическую практику. При этом в ранней рецепции идей Винцентия Кадлубека внешняя среда не виделась как опасная и нуждающаяся в постоянном мониторинге и корректировке. Это важно, поскольку для польской общественной и исторической мысли характерно восприятие Польши как жертвы внешних сил и преувеличенные оценки внешних рисков и угроз [16; 36].

Важный вывод заключается в том, что постепенное изменение внешних условий привело к формированию в Польше стратегической культуры (субкультуры) политической фортификации (форпоста). Однако снижение внешних ограничений произошло не за счет усиления Речи Посполитой, а за счет полного демонтажа ее государственности и отложенного перезапуска политических институтов. Иными словами, у нескольких поколений польской интеллектуальной элиты были в буквальном смысле лабораторные условия, когда можно было проанализировать весь спектр возможностей для отсутствующего государства. Крайне примечательно, что в ходе реинтерпретации наработок стратегической культуры нейтралитета польская политическая мысль фактически проигнорировала идеи изоляционизма — в особенности возможные варианты равноудаленности в отношениях с соседями. Вероятно, именно этот фактор сыграл не последнюю роль в дискуссии о расширении НАТО в Польше в первой половине 1990-х годов.

Кроме того, в проанализированных типах стратегических культур можно найти не только свидетельства высокой самооценки Польши / Речи Посполитой, но и признание возможности и необходимости тесных отношений с другими государствами. Стратегическая культура (субкультура) нейтралитета в Польше продолжает быть востребованной для внутренней легитимации посреднических услуг Варшавы. Отсюда многочисленные инициативы переговорных площадок с соседними и крупными государствами («Восточное партнерство», «женевский» формат переговоров по ситуации на Украине, «Веймарский треугольник»). В свою очередь, культура (субкультура) форпоста, по всей видимости, дает логические и историко-культурные основания для активизации сотрудничества в рамках НАТО и стран Вишеградской группы. Этот момент важен, поскольку при длительном использовании этих идейных конструктов негативная оценка внешней среды в Польше может сгладиться и положить начало формированию стратегических культур аккомодации — прежде всего культуры ограниченной интернационализации.

В целом богатая интеллектуальная история Польши оставляет место как для других трактовок и классификаций стратегической культуры этого государства, так и для появления каких-либо новых «гибридных» феноменов. Но совершенно точно в стратегической культуре III Речи Посполитой существует пласт идей, не подразумевающих военную и политическую экспансию, а также восстановление имперского прошлого.

Список литературы

1. Snyder, J. L. 1977, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*, Washington, RAND Corporation.
2. Gray, C. S. 1999, *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press, 426 p.
3. Legro, J. W. 1996, Culture and preferences in the international cooperation two-step, *American Political Science Review*, vol. 90, № 1, p. 118—137.
4. Sondhaus, L. 2006, *Strategic culture and ways of war*, London, Routledge.
5. Glenn, J. 2009, Realism versus strategic culture: Competition and collaboration? *International Studies Review*, vol. 11, № 3, p. 523—551.

6. Lantis, J. S. 2002, Strategic culture and national security policy, *International Studies Review*, vol. 4, №3, p. 87—113.
7. Алексеева, Т. А. 2012, Стратегическая культура: эволюция концепции, *Политические исследования*, №5, p. 130—147.
8. Bloomfield, A. 2012, Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate, *Contemporary Security Policy*, vol. 33, №3, p. 437—461.
9. Wilson, R. W. 2000, The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, vol. 52, №2, p. 246—273.
10. Lantis, J. S., Charlton, A. A. 2011, Continuity or change? The strategic culture of Australia, *Comparative Strategy*, vol. 30, №4, p. 291—315.
11. Rasmussen, M. V. 2005, 'What's the use of it?': Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict*, vol. 40, №1, p. 67—89.
12. Doerer, F. 2018, Historical experiences, strategic culture, and strategic behavior: Poland in the anti-ISIS coalition, *Defence Studies*, vol. 18, №4, p. 454—473.
13. Doerer, F., Eidenfalk, J. 2019, Using strategic culture to understand participation in expeditionary operations: Australia, Poland, and the coalition against the Islamic State, *Contemporary Security Policy*, vol. 40, №1, p. 4—29.
14. Висленко, А. Л. 2014, Национальная идея: обоснование будущего или оправдание настоящего, *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, №3 (15), с. 5—13.
15. Шимов, Я. В. 2019, Междуморье: пространство судьбы, *Историческая экспертиза*, №3 (20), с. 79—97.
16. Piekarski, M. 2019, Polska kultura strategiczna a wizerunek żołnierza polskiego w kulturze współczesnej, *Bezpieczeństwo. Obronność. Socjologia*, №11/12, s. 7—29.
17. Zarobny, S. 2020, Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century, *Security Dimensions. International and National Studies*, №34, p. 122—144.
18. Johnston, A. I. 1998, *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*, Princeton University Press.
19. Frost, R. I. 2014, *The northern wars: war, state and society in northeastern Europe, 1558—1721*, London-New York, Routledge.
20. Nowak, A. 2020, *Między nietadem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej*, Kraków, Biały Kruk.
21. Щавелева, Н. И. 1990, *Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий*. М., Наука.
22. Rzczycki, M. 2019, Własność i władza. Ujęcie własności ziemi w myśli Stanisława Zabrowskiego, *Dialogi Polityczne*, №26, s. 27—37.
23. Topolski, J. 2015, *Rzeczpospolita Obojga Narodów, 1501—1795*, Wydawnictwo Poznań, Poznańskie.
24. Gierszewski, M. 2020, O rektorze w cyerońskiej koncepcji Rzeczypospolitej oraz recepcji jego filozofii politycznej w Rzeczypospolitej Polskiej XVI wieku, *Dialogi Polityczne*, №28, s. 111—139.
25. Pietrzyk-Reeves, D. 2010, O pojęciu "Rzeczpospolita" (res publica) w polskiej myśli politycznej XVI wieku, *Czasopismo Prawno-Historyczne*, vol. 62, №1, s. 37—63.
26. Демяновский, Н. А. 2015, Политическое устройство Речи Посполитой глазами публицистов конца XVIII века, *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*, №4, с. 116—125.
27. Осипова, Е. В. 1961, *Философия польского Просвещения*, М., Издательство АН СССР.
28. Nosow, B. W. 2000, Stanisław Staszic — statnia przestroga dla Polski, *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, №6, s. 239—243.
29. Rolnik, D. 2021, Idea państwa wolnego, suwerennego i niepodległego — fenomen przemian czasów Sejmu Czteroletniego? *Roczniki Humanistyczne*, vol. 69, №2, s. 29—48.
30. Ивонина, Л. И. 2020, *Яркий закат Речи Посполитой: Ян Собесский, Август Сильный, Станислав Лещинский*, М.; СПб., Нестор-История.

31. Денисов, Ю. Н. 2019, *Россия и Польша: история взаимоотношений в XVII—XX вв.* М., Флинта.
32. Смирнов, А. Ф. 1962, *Революционные связи народов России и Польши. 30—60 годы XIX века*, М., Издательство социально-экономической литературы.
33. Гамулка, К. 2008, *Паміж Польшчай і Расіяй: Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918—1922)*, Пераклад з польскай мовы, Вільня, ЕГУ.
34. Kornat, M. 2017, Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, vol. 17, № 214, s. 61—79.
35. Rzegocki, A. 2008, *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce*, Kraków, Ośrodek Myśli Politycznej.
36. Лыкошина, Л. С. 2015, «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений, *Славянский альманах*, № 1—2, с. 170—179.

Об авторах

Иван Дмитриевич Лошкарёв, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

Даниил Алексеевич Пареньков, старший преподаватель кафедры политической теории, научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8486-330X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NON-EXPANSIONIST VARIANTS OF POLAND'S STRATEGIC CULTURE: A RETROSPECTIVE OF IDEAS AND CURRENT IMPLICATIONS

I. D. Loshkariov

D. A. Parenkov

MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Received 03.12.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5
© Loshkariov, I. D., Parenkov, D. A. 2022

This article examines how non-expansionist types of strategic culture emerged and gradually developed in Poland. The study aims to identify the features of non-expansionist types of Polish strategic culture for a more objective analysis of the country's modern foreign and security policy. The article begins by describing the emergence and use of the concept of strategic culture, offering a typology of strategic cultures based on the work of the 'cultural

To cite this article: Loshkariov, I. D., Parenkov, D. A. 2022, Non-expansionist variants of Poland's strategic culture: a retrospective of ideas and current implications, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 2, p. 69—82.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5.

realist' Alastair Johnston. Then it employs a qualitative method of process tracing to outline the sequence of events and the ideological constructs that led to the emergence or degradation of the corresponding types of strategic culture. The strategic culture of neutrality, exposed to external influences and revised republicanism ideas, is shown to have laid the foundation for a strategic culture of political fortification (or an outpost) in Poland. This strategic culture has its origins in the idea of the ethical superiority of the Polish state, although the details of this superiority may differ dramatically in specific situations. At the same time, none of the types of the accommodation culture has yet emerged in Poland, albeit accommodation seems to be a promising lead for the further development of the country's strategic culture.

Keywords:

strategic culture, Poland, culture of neutrality, political fortification culture

References

1. Snyder, J. L. 1977, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*, Washington, RAND Corporation.
2. Gray, C. S. 1999, *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press, 426 p.
3. Legro, J. W. 1996, Culture and preferences in the international cooperation two-step, *American Political Science Review*, vol. 90, № 1, p. 118—137.
4. Sondhaus, L. 2006, *Strategic culture and ways of war*, London, Routledge.
5. Glenn, J. 2009, Realism versus strategic culture: Competition and collaboration? *International Studies Review*, vol. 11, № 3, p. 523—551.
6. Lantis, J.S. 2002, Strategic culture and national security policy, *International Studies Review*, vol. 4, № 3, p. 87—113.
7. Alekseeva, T. A. 2012, Strategic Culture: Concept Evolution, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], № 5, p. 130—147 (in Russ.).
8. Bloomfield, A. 2012, Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate, *Contemporary Security Policy*, vol. 33, № 3, p. 437—461.
9. Wilson, R. W. 2000, The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, vol. 52, № 2, p. 246—273.
10. Lantis, J. S., Charlton, A. A. 2011, Continuity or change? The strategic culture of Australia, *Comparative Strategy*, vol. 30, № 4, p. 291—315.
11. Rasmussen, M. V. 2005, 'What's the use of it?': Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict*, vol. 40, № 1, p. 67—89.
12. Doeser, F. 2018, Historical experiences, strategic culture, and strategic behavior: Poland in the anti-ISIS coalition, *Defence Studies*, vol. 18, № 4, p. 454—473.
13. Doeser, F., Eidenfalk, J. 2019, Using strategic culture to understand participation in expeditionary operations: Australia, Poland, and the coalition against the Islamic State, *Contemporary Security Policy*, vol. 40, № 1, p. 4—29.
14. Vislenko, A. L. 2014, National idea: justifying the future or justifying the present, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], № 3 (15), p. 5—13 (in Russ.).
15. Shimov, Ya. V. 2019, Intermarium: the space of fate, *Историческая экспертиза* [historical expertise], № 3 (20), p. 79—97 (in Russ.).
16. Piekarski, M. 2019, Polska kultura strategiczna a wizerunek żołnierza polskiego w kulturze współczesnej, *Bezpieczeństwo. Obronność. Socjologia*, № 11/12, s. 7—29.
17. Zarobny, S. 2020, Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century, *Security Dimensions. International and National Studies*, № 34, p. 122—144.
18. Johnston, A. I. 1998, *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*, Princeton Princeton University Press.
19. Frost, R. I. 2014, *The northern wars: war, state and society in northeastern Europe, 1558—1721*, London-New York, Routledge.
20. Nowak, A. 2020, *Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej*, Kraków, Biały Kruk.

21. Shchaveleva, N. I. 1990, Polish Latin-language medieval sources. Texts, translation, commentary. M., Nauka (in Russ.).
22. Rzczycki, M. 2019, Własność i władza. Ujęcie własności ziemi w myśli Stanisława Zabrowskiego, *Dialogi Polityczne*, № 26, s. 27–37.
23. Topolski, J. 2015, *Rzeczpospolita Obojga Narodów, 1501–1795*, Wydawnictwo Poznań, Poznańskie.
24. Gierszewski, M. 2020, O rektorze w cyverońskiej koncepcji rzeczypołpolitej oraz recepji jego filozofii politycznej w Rzeczypołpolitej Polskiej XVI wieku, *Dialogi Polityczne*, № 28, s. 111–139.
25. Pietrzyk-Reeves, D. 2010, O pojęciu "Rzeczypołpolita" (res publica) w polskiej myśli politycznej XVI wieku, *Czasopismo Prawno-Historyczne*, vol. 62, № 1, s. 37–63.
26. Demyanovsky, N. A. 2015, The political structure of the Commonwealth through the eyes of publicists at the end of the 18th century, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of the Tver State University. Series: History], № 4, p. 116–125 (in Russ.).
27. Osipova, E. V. 1961, *Filosophiya pol'skogo Prosveshcheniya* [Philosophy of the Polish Enlightenment], M., Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (in Russ.).
28. Nosow, B. W. 2000, Stanisław Staszic — ostatnia przestroga dla Polski, *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, № 6, s. 239–243.
29. Rolnik, D. 2021, Idea państwa wolnego, suwerennego i niepodległego — fenomen przemian czasów Sejmu Czteroletniego? *Roczniki Humanistyczne*, vol. 69, № 2, s. 29–48.
30. Ivonina, L. I. 2020, *Yarkii zakat Rechi Pospolitoi: Yan Sobesskii, Avgust Sil'nyi, Stanislav Leshchinskii* [Bright sunset of the Commonwealth: Jan Sobieski, August Strong, Stanislav Leshchinsky], M. — SPb., Nestor-History.
31. Denisov, Yu. N. 2019, *Rossiya i Pol'sha: istoriya vzaimootnoshenii v XVII–XX vv.* [Russia and Poland: the history of relations in the XVII–XX centuries], M., FLINT.
32. Smirnov, A. F. 1962, *Revoljucyjnyje svyazi narodov Rossii i Pol'shi. 30–60 gody XIX veka* [Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland. 30–60 years of the XIX century], M., Publishing house of socio-economic literature (in Russ.).
33. Gamulka, K. 2008, *Pamizh Pol'shchai i Rasiyai: Belarus' u kantseptsyjakh pol'skich pali-tychnykh farmiravannjaŭ (1918–1922)* [Former Poland and Russia: Belarus at the Chancesption of Polish Pharmaceutical Pharmaceuticals (1918–1922)], Translation from Polish language, Vilnia, YSU (in Ukr.).
34. Kornat, M. 2017, Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, vol. 17, № 214, s. 61–79.
35. Rzegocki, A. 2008, *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce*, Kraków, Ośrodek Myśli Politycznej.
36. Lykoshina, L. S. 2015, "Historical politics" of modern Poland in the context of Russian-Polish relations, *Slavyanskii al'manakh* [Slavic almanac], № 1–2, p. 170–179 (in Russ.).

The authors

Dr Ivan D. Loshkariov, Associate Professor, Department of Political Theory, Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO-University, Russia

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

Daniil A. Parenkov, Senior Lecturer, Department of Political Theory, Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO-University, Russia

E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8486-330X>

